

ОСПАРИВАНИЕ НОРМЫ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. КАРТЕРА В ОТНОШЕНИИ ГРЕНАДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ФОКУСЕ РЕАЛИСТСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

ЕЛЕНА ГЛАЗУНОВА
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

В статье на примере курса, избранного администрацией Дж. Картера в отношении Гренадской революции, рассматриваются попытки реформирования основ внешней политики США. Для исследования данной проблематики автор обращается к реалистскому конструктивизму, предлагающему, что в основе определения национальных интересов и формирования внешнеполитической стратегии государства, наряду с укреплением моци и влияния, лежит его стремление сохранить свою идентичность и следовать определенным ценностным установкам. Посредством легитимации прав человека в качестве основы внешней политики и их трансформации в принцип уважения национального суверенитета латиноамериканских стран Картер пытался бросить вызов доктрине Монро и утвердившейся во время «холодной войны» практике вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Анализируя императивы принятия решений правительством США в отношении Гренады, автор приходит к выводу, что вопреки мнению о выборе Соединёнными Штатами пути конфронтации с революционным правительством Гренады, его дискредитации и подрыва экономической стабильности, во время президентства Картера Вашингтон стремился наладить диалог с новой властью этого островного государства. Пример Гренады, которая вследствие произошедшей в стране внутриполитической трансформации оказалась участником типичного для «холодной войны» интернационализированного конфликта, позволяет проследить логику, противоречия и проблемы реализации обещанной Картером «моральной внешней политики». В результате общей динамики международных отношений и расклада внутриполитических сил в обеих странах эта стратегия не увенчалась успехом и имела последствия, во многом противоположные тем, во имя которых инициировались реформы.

Ключевые слова:

реалистский конструктивизм; категории норм; универсальные и групповые нормы; внешняя политика США; доктрина Монро; Гренадская революция 1979 года; Джимми Картер; Морис Бишоп; права человека; ЦРУ; военное вторжение США в Гренаду

Американское военное вторжение в Гренаду в 1983 году положило конец революционному эксперименту в этой стране. Интервенция не только стала показательным актом резкого поворота внешней

политики Вашингтона после прихода к власти администрации Рональда Рейгана, но и ознаменовала собой начало заключительного периода «холодной войны». Несмотря на локальный характер, этот

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.11.2024

Дата принятия к публикации: 04.09.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: elenanglazunova@mail.ru

конфликт определил траекторию развития международных отношений последнего десятилетия биполярной и начала постбиполярной системы, когда Соединённые Штаты стали ощущать себя единственной и «незаменимой» державой.

В российской историографии общепринятым является мнение, что Вашингтон с самого начала негативно воспринял Гренадскую революцию и стал предпринимать попытки дестабилизации ситуации в стране [Нитобург, Ровинская 1984; Строганова 2012: 59; Тестов 2005: 12]. Эта точка зрения зачастую встречается и в зарубежной литературе [Chomsky 2014: 274; Prados 2006: 463]. Её сторонники используют в качестве первичных источников выступления и интервью лидеров революции или более поздние свидетельства чиновников Народного Революционного Правительства (НПР), риторика которых отражала стремление обвинить американцев в трудностях и бедах своей страны¹.

Вместе с тем революция в Гренаде произошла в марте 1979 года, когда у власти находились демократы во главе с Джимми Картером. До прихода в Белый дом республиканской администрации Рейгана, с именем которого связана резкая переориентация внешней политики Вашингтона и активизация её силового компонента, оставалось два года. Выработка первоначальной стратегии в отношении Гренадской революции выпала на долю Картера, чьё президентство отмечено попытками реформировать внешнюю политику, убрав из неё интервенционистский компонент и утвердив концепт прав человека². Это несответствие побуждает историков более пристально взглянуть на вопрос о том, насколько конкретные шаги Вашингтона, в частности в отношении Гренадской революции, соответствовали общим установкам администрации. Ответ на него позво-

ляет подтвердить (или опровергнуть) предположение, что ценностные ориентиры американского руководства влияли не только на концептуализацию внешней политики и целевые установки Вашингтона, но и на выбор подходов к определению государственных интересов страны.

Настоящая статья задаётся целью на основе метода анализа конкретной ситуации охарактеризовать реформистскую политику администрации демократов и оценить её результаты. Для исследования данной проблематики мы обращаемся к относительно недавно обозначившемуся внутри конструктивистской парадигмы «реалистскому крылу».

Поставленные задачи обусловили логику изложения материала: первый раздел посвящён основным положениям реалистского конструктивизма и объяснению целесообразности обращения к различным категориям норм – универсальным и групповым. Во второй части рассматривается процесс концептуализации администраций Картера национальных интересов и основных внешнеполитических подходов США. Здесь же разбирается коллизия различных категорий норм – универсальной нормы (права человека) и групповой нормы (доктрина Монро). В третьем разделе статьи в качестве эмпирического материала представлен анализ политики 39-го Президента США в отношении Гренады после произошедшего там в 1979 году государственного переворота и прихода к власти Народного Революционного правительства во главе с М. Бишопом.

Реалистский конструктивизм

Ключевые понятия и взгляды основных представителей конструктивизма подробно изложены в работах российских учёных [Алексеева 2014; Кочетков 2024], отмечавших среди прочего существование внутри

¹ См., например, *Nobody's Backyard. Maurice Bishop's Speeches, 1979-1983: A Memorial Volume*. Edited by C. Searle. London: Zed Books Ltd, 1984. 260 p.

² Jimmy Carter 1977. *Human Rights and Foreign Policy*. Public Papers of the Presidents of the United States: Jimmy Carter. 1977. Vol.1. No. 954. URL: <https://usa.usembassy.de/etexts/democrac/55.htm> (accessed: 29.08.2025).

данного направления множества течений либо более либерального, либо реалистского толка [Алексеева 2014: 18]. На начальном этапе формирования конструктивистской школы ее приверженцы, изучая роль норм в политике, особое внимание уделяли вопросу о том, каким образом, трансформируясь сами, они способны преобразовывать другие характеристики политического ландшафта [Finnemore, Sikkink 1998: 888]. Стремительные и внушавшие оптимизм изменения мирового порядка в 1990-е годы позволили конструктивистам сделать вывод, что представления людей о «хорошем мире» и о «мире, каким он должен быть», становятся реальностью [Finnemore, Sikkink 1998: 916–917].

Между тем в условиях обострившихся международных конфликтов всех уровней эти утверждения подверглись критике «за ценностно-обусловленную телеологию всего процесса, где либерально-демократические нормы в конце концов неизменно преодолевают сопротивление авторитарных режимов» [Коцур 2019: 163]. Упрёки подобного свойства исходили как со стороны реалистов, так и со стороны самих конструктивистов, считавших, что излишний оптимизм и даже утопизм подобных выводов дискредитирует их подход. На волне этой критики в начале 2000-х годов более явственно стали обозначаться контуры реалистского конструктивизма [Nexon 2004: 527].

Совместить элементы двух парадигм пытались многие исследователи, но наиболее полная попытка сформулировать точки соприкосновения и очертить контуры реалистско-конструктивистского подхода [Jackson, Nexon 2004: 338] принадлежит канадскому исследователю Дж. Сэмюэлю Баркину. Он предложил закрепить этот термин как обозначение одного из общих подходов международно-политической мысли, а не как частнонаучную теорию [Barkin 2004: 349]. Участники продолжающейся и в наши дни дискуссии по вопросу реалистского конструктивизма в качестве исходной позиции неизменно ссылаются на работы Баркина.

По мнению Баркина, восприятие реализма и конструктивизма в качестве взаимо враждебных школ, с одной стороны, лишает реалистов возможности изучать влияние нормативных факторов при анализе политики с позиции силы и ограничивает возможности конструктивистов изучать политику с позиции силы в целом, с другой [Barkin 2010: 4]. Одним из центральных тезисов исследователя является утверждение об отсутствии глубокого разрыва между двумя основными парадигмами. Кажущаяся непримиримость реализма и конструктивизма вырастает из неверного расхождения конструктивизма не столько с реализмом, сколько с рационализмом, к которому последний апеллирует. Противопоставление идеализма и материализма аналогичным образом упрощает сложные отношения между этими двумя подходами.

При этом конструктивисты, в том числе и американские, отвергают обвинения в противопоставлении норм рациональному выбору, утверждая, что в процессе стратегического социального конструирования агенты рационально вырабатывают стратегии для перестройки предпочтений, идентичности или социального контекста. При анализе динамики норм конструктивисты обращают внимание на то, как нормы транслируются в практиках акторов в рационально-стратегической логике. В то же время, сторонники теории рационального выбора включают в анализ идеологические аспекты и значение норм, рассматривая их как важный элемент международных взаимодействий [Finnemore, Sikkink 1998: 916–917].

С точки зрения Баркина, традиционное противопоставление «идей» и «материи» в политической науке формирует искусственную дилемму, которая смешивает онтологические проблемы с эпистемологическими и тем самым затрудняет построение целостной теоретической модели международных отношений [Barkin 2009: 3]. Автор говорит не просто о реализме и конструктивизме, а о конструктивистской эпистемологии и классической реалистской теории, подразумевая не совмещение раз-

личных категорий двух парадигм, а осмысление международно-политических проблем одновременно на разных уровнях – эпистемологическом и онтологическом. С одной стороны, реализм не предлагает исследователям оптимальной методологии [Guzzini 2020: 220; Barkin 2010: 171]. Конструктивизм же, с другой, как социальная теория мало обращается к конкретной политике. Критика конструктивистов изначально была направлена на присущий позитивистским подходам эмпиризм [Конышев et al 2016: 96–97]. Баркин, предостерегая исследователей от свойственной реалистской парадигме недооценки метода в изучении международной политики и одновременно от присущего конструктивизму стремления у малить значение политической теории, пытается преодолеть недостатки обоих подходов [Barkin 2010: 4, 162–164].

Баркин предлагает интегрировать накопленные за долгие годы развития реалистской парадигмы эмпирические и онтологические категории³ в свободную от эмпирики объяснительную теорию конструктивизма. Данное предложение вполне согласуется с мнением ведущих российских учёных, оценивающих конструктивизм не в качестве теории, а в качестве «совокупности исходных посылок», то есть методологии. [Алексеева 2014: 4]. Западные сторонники реалистского конструктивизма рассматривают его как осмысление различных слоёв теории «не внутри, а между уровнями теоретизации» [Guzzini 2020: 219].

Целесообразность обособления реалистского конструктивизма в самостоятельный подход объясняется тем обстоятельством, что в рамках общей характеристики интересов и поведения субъектов международных отношений представители конструктивистской теории всегда значительно различались. Агенты действуют в структурах, определяемых социальными нормами и идеями, а не материальными условиями внешней среды. При этом главные расхождения мнений внутри самого конструкти-

визма сводятся к одной из двух эпистемологий: первая в принципе допускает, что идентифицируемая реальность все-таки существует и может быть исследована эмпирическими методами, вторая – провозглашает в духе берклианского субъективизма, что истинной, независимой от человеческого сознания реальности просто нет, и, следовательно, никакое эмпирическое исследование не имеет смысла [Barkin 2003: 327]. Обоснование реалистского конструктивизма приводится с упором на первую эпистемологию.

Из всех разновидностей реализма наиболее перспективным, с точки зрения онтологии, Баркин считает его неоклассическую версию [Barkin 2020: 67]. Но потенциал этого подхода существенно ограничен приверженностью его сторонников методологии, которая не соответствует ни их теоретическим утверждениям, ни их эмпирическому содержанию. Преобладающим методом, используемым неоклассическими реалистами, является исторический нарратив. Как правило, их интересуют не среднестатистические, а важные внешнеполитические события, поэтому они акцентируют внимание на крупных войнах и конфликтах, а не на повседневном процессе принятия решений. Подобный подход позволяет понять ключевые исторические явления и создать эвристически полезную теорию, но не способствует созданию моделей, пригодных для реализации основной функции международно-политической науки – прогностической. Неоклассические реалисты полагаются на исторический нарратив ещё и потому, что их теории недостаточно определены для количественного или качественного сравнительного анализа [Barkin 2020: 60–61]. В данной ситуации на помочь реализму может прийти конструктивистская методология, которая позволяет объяснить конкретные случаи посредством детального эмпирического анализа. Она может быть особенно полезна при обращении к ситуациям, когда решения принимаются в резуль-

³ Например, государственность, анархию, силу/власть, мораль.

тате случайного стечения обстоятельств, в результате чего процесс выработки таких решений является неструктурированным и непредсказуемым.

Конструктивистская методология способна, главным образом, охватить разные толкования феномена власти, который, хотя и постулируется реалистами как центральный, детально ими не разработан. Речь идёт, *во-первых*, о структурной, безличной, не имеющей отношений к политическим субъектам власти, которую представители критической теории и отчасти конструктивисты понимают как налагаемые социальными институтами ограничения на индивидуальное поведение. *Во-вторых*, важно помнить о предпочтаемой реалистами категории относительности: власть выступает как принуждение и подчинение одного агента другим. Такие нематериальные факторы, как культура, моральный авторитет, сила убеждения и дискурс, конструктивисты рассматривают не отдельно от власти, а в качестве её ресурсов [Barkin 2020: 64].

Согласие с реалистским положением о главенстве власти в сочетании с призывом при описании властных отношений между всеми уровнями социальной субъектности учитывать фактор множественности толкований этого понятия можно обозначить в качестве одного из ключевых тезисов реалистского конструктивизма. Данный тезис высвечивает второй ключевой аспект описываемого подхода – диалектическую связь феноменов власти и этики. Одним из его наиболее важных вкладов является стремление к возрождению морали в качестве центрального компонента исследования [Sterling-Folker 2004: 341]. Концептуализация поведенческих норм как важнейших аспектов международной структуры, возникающих в результате взаимодействия её субъектов с окружающим социумом, с самого начала была одной из главных задач конструктивистов. Тем не менее возникает противоречие между тезисом о том, что ценностные установки сами по себе, в силу внутренней логики, ведут к желаемым политическим изменениям, и конструктивистской онто-

логией, утверждающей их контекстуальную обусловленность и социальную конструируемость. Логически проистекающие из телеологического понимания морали практические рекомендации «просто продвигать правильный набор норм, которые рано или поздно одержат победу над другими на рынке идей», не имеют под собой оснований, поскольку подобные действия могут быть истолкованы как «политика силы, выраженная языком политической морали» [Barkin 2010: 170].

Чтобы снять это противоречие, конструктивистский подход следует укрепить реалистской онтологией и эмпирическими результатами. Тем самым удается избежать контрпродуктивной телеологии морали в политике. В этой рамке реалистский конструктивизм фокусируется на: (1) диалектическом взаимодействии идеалов и власти; (2) связи интересов государств и их идентичностей; (3) соотношении нормативных структур и их элементов – формальных и неформальных, включая морально-ценостные. Одновременно реалистский конструктивизм справляется с задачей интеграции в теорию международных отношений нормативного подхода, от которого многие представители разных направлений теории международных отношений, опасаясь обвинений в идеализме и даже наивности, дистанцируются [Barkin 2003: 332].

Наиболее резонансной точкой совпадения логики реализма и конструктивизма является в равной мере важный для обеих парадигм концепт национального интереса. По мнению конструктивистов, внешняя политика и взаимодействие государств, направленные на реализацию национальных интересов не существуют сами по себе, а конструируются представителями элиты и всегда являются результатом их убеждений, морально-ценостных установок и представлений о собственной идентичности. «Прежде чем государства начинают защищать свои интересы, они должны эти интересы определить. ... Государственный интерес формируется в контексте принятых международных норм и представлений о том, что хорошо и правильно», – утверж-

дает видная представительница американской конструктивистской школы М. Финнемор [Finnetmore 1996: ix, 1].

На начальных этапах исследования в качестве основного объекта конструктивизма выступает *общественный интерес*, определяемый как совокупность политических целей, интерсубъективно реализуемых внутри социальной группы, члены которой имеют общие представления об идентичности и действуют в интересах данной группы. В контексте международных отношений такую группу представляет собой государство, и в этом случае *общественный интерес* совпадает с *национальным*. Реалистский конструктивизм использует и эмпирическую⁴, и интерсубъективную трактовку общественного интереса, что отличает его от всех остальных подходов теории международных отношений.

Закрепиться в качестве общепризнанного подхода реалистскому конструктивизму пока не удалось, и многие предложенные принципы анализа до сих пор представляются проблематичными, в том числе, и учёным, которые в целом признают его научный потенциал [Michaels 2022: 101]. Данный подход подвергается критике преимущественно за фактический отход от конструктивизма, который в его трактовке сводится к набору аналитических инструментов [Jackson, Nexon 2004: 338]. Повышенный интерес к власти и морали вынуждает Баркина так часто обращаться к классическому реализму, что в результате возникает вопрос о том, что нового в этот подход вносит конструктивизм [Sterling-Folker 2004: 341]. Некоторые учёные рассматривают реалистский конструктивизм в качестве промежуточного результата кросспарадигмальной дискуссии и предлагают продолжить поиск универсальной метатеории [Sjoberg 2020: 197]. Тем не менее даже те исследователи, которые поначалу восприняли новый подход довольно критически, не отвергают его пользу: с их точки зрения, способность

конструктивизма взять на себя основные объяснительные функции в значительной степени компенсирует ограниченность методологии неоклассических реалистов [Sterling-Folker 2009: 111].

Вместе с тем сторонникам реалистского конструктивизма удалось сформулировать набор допущений, которые могут составить основу обновлённой модели. К наиболее значимым её положениям следует отнести: а) согласие с реалистской идеей приоритета властных отношений в любом социальном коллективе, включая международное сообщество; б) отстаивание (наравне с рациональными расчётом выгода и затрат) роли идентичности и других идеологических факторов в процессе формулирования государствами своих национальных интересов; в) обоснование совместимости морально мотивированного действия и материальных факторов, в том числе стремления государства к реализации целей, основанных на властных интересах; г) анализ влияния норм на динамику власти и, наоборот, происходящей при её динамике трансформации нормативных программ. Результаты применения этих идей продемонстрированы в ряде опубликованных эмпирических исследований [Crowley-Vigneau et al. 2023; Delacour 2020; Iancu 2020; Michael 2018; Sterling-Folker 2009]. Предложенный Баркином подход не следует трактовать просто как существенный сдвиг в сторону реалистской парадигмы, поскольку, признавая главенствующую роль властных отношений и интегрируя другие важнейшие элементы реалистского подхода, он подчеркивает, что не выходит за рамки конструктивизма [Crowley-Vigneau et al. 2023: 47].

Стремясь уточнить вопрос о влиянии норм на поведение государства с точки зрения реалистского конструктивизма, исследователи из России А. Кроули и А. Байков в соавторстве с У. Уолфортом впервые в исследовательской литературе провели

⁴ Эмпирическая интерпретация национального интереса, по всей видимости, предполагает исследование этой категории как совокупности конкретных, поддающихся наблюдению, фиксации и измерению целей, ресурсов и результатов действий государства.

разграничение двух категорий норм – индивидуальных и групповых [Crowley-Vigneau et al. 2023]. На примере различных кейсов в исследовании было показано, какие механизмы государства используют для интеграции коллективных норм в дискурс прав человека для придания им дополнительной легитимности. Согласно предложенной учеными классификации, первая группа охватывает нормы, относящиеся к правам отдельных лиц. Эти нормы неотъемлемы и универсальны по своей природе, поскольку не принимают во внимание никакие различия между людьми, будь то национальное или социальное происхождение, раса, религия или политические убеждения. Данную категорию, с точки зрения ученых, легче объяснить в рамках конструктивистской парадигмы. К второй группе относятся нормы, касающиеся прав и интересов отдельных групп, будь то отдельные сообщества или целые государства. Эту категорию легче объяснить с реалистских позиций [Crowley-Vigneau et al. 2023: 50].

Реалистский конструктивизм привлек учёных с точки зрения предоставляемых им возможностей применения теории норм и поиска ответа на вопрос, могут ли нормы одновременно отражать государственные интересы и универсальные принципы. В реалистском конструктивизме ученые увидели потенциал для согласования двух разных взглядов: конструктивистскую трактовку норм как векторов универсальных этических стандартов и реалистскую – как инструментальных каналов трансляции государственных интересов. Именно реалистский конструктивизм, признающий обе трактовки позволяет проанализировать взаимодействие различных категорий норм [Crowley-Vigneau et al. 2023: 44].

Поскольку позицию США в отношении Гренады нельзя рассматривать вне контекста внешнеполитических реформ администрации Картера в целом и общей латиноамериканской стратегии Вашингтона, мы не сможем избежать упоминания о доктри-

не Монро, которая на протяжении двух веков является важнейшим компонентом внешнеполитической идеологии США. С точки зрения реализма, доктрина служит инструментом защиты государственных интересов США⁵. Тем не менее учитывая востребованность этих принципов на протяжении двухсотлетней истории, они представляют собой нечто большее, чем сформулированный два века назад и обоснованный конкретной политической ситуацией национальный интерес. Применение предлагаемого реалистским конструктивизмом сочетания эмпирического и интерсубъективного подходов позволяет включить в интерпретацию доктрины эндогенные факторы – идеологию, национальную идентичность и коммуникативный дискурс. В равной степени оно даёт возможность увидеть её социокультурную природу и определить как социальный концепт, вобравший в себя самые разнообразные принципы и идеи – от антicolonиализма, суверенитета, невмешательства и права на самоопределение до интервенционизма, империализма, экспансионаизма и аннексии.

Доктрина являлась «олицетворением североамериканской внешней политики и даже североамериканского самосознания», «созвездием привязанностей, обладающим силой убеждения для народа США» (согласно утверждению Уолтера Липпмана) [Исэров 2023: 53] и «освящённым авторитетом традиции знаковым идейным конструктом» [Истомин 2023: 11, 42]. Созданная американской политической элитой ещё на заре межамериканских отношений, она за время своего существования сама по себе стала представлять норму. При помощи неё обосновывались действия Вашингтона в западном полушарии, что позволяло американским лидерам игнорировать или преодолевать ограничения, возникающие в процессе принятия внешнеполитических решений. В выбранной нами классификации она должна быть отнесена к второй категории норм, касающихся интересов

⁵ «Принципы 1823 года» и были поначалу не доктриной, а посланием, разъяснявшим великим европейским державам американские национальные интересы.

отдельных групп (отдельного государства), в то время как интегрированная Картером во внешнюю политику норма прав человека представляет собой универсальную первую категорию. Ассоциировавшаяся с принципами доктрины Монро латиноамериканская политика рассматривалась президентом с точки зрения морали и справедливости, что возвращает исследователей к проблеме амбивалентности норм. Определение различных категорий норм предлагает реалистскому конструктивизму более чёткий фокус для понимания проблемы нормативной неопределённости и преодоления «дихотомии, которая представляет нормы как моральные в конструктивистской и аморальные в реалистской перспективе» [Crowley-Vigneau et al. 2023: 59].

Права человека как ключевой аспект реформ

Национальный интерес обусловлен культурно, исторически и политико-идеологически [Косолапов 2016]. Реалистский конструктивизм позволяет определить, что наряду с объективными императивами целесообразности и рациональности, присущими конкретному историческому моменту, на процесс его формирования оказывают влияние и субъективные факторы, в частности личностные характеристики конкретных представителей власти, их политическая идентичность и национальное самосознание.

Для более точного понимания логики 39-го президента при определении национальных интересов важно помнить, что он пришёл к власти в очень специфический момент американской истории. Во времена президентской кампании 1976 г. дискуссия о моральных основаниях внешней полити-

ки была острой и едва ли не центральной. Уклониться от общепринятого нормативного дискурса не могли ни объединившиеся вокруг губернатора Джорджии «картеровские интернационалисты», ни их оппоненты – сгруппировавшиеся вокруг республиканца Рейгана «консервативные интернационалисты». Картер подвергал сильной критике политику Никсона–Форда–Киссинджера как противоречащую американской системе ценностей: «...Нынешняя администрация ...настолько одержима политикой баланса сил, что часто игнорирует основные американские ценности и обоснованную заботу о правах человека. Мы – великая и могущественная страна, приверженная определённым непреходящим идеалам, и эти идеалы должны быть отражены не только в нашей внутренней, но и во внешней политике»⁶.

Результаты выборов показали, что предвыборная программа демократов тогда в большей степени соответствовала общественным настроениям. Население США, не без проблем завершивших войну во Вьетнаме и переживших Уотергейтский скандал, с пониманием отнеслось к рассуждениям глубоко религиозного⁷, но при этом не вполне ортодоксального лидера демократов о высоко моральном правительстве и его справедливой внешней политике.

Став президентом, Картер многократно возвращался к этой теме. «Мы утратили духовность нации, мы должны стыдиться, что наше правительство делало с другими народами мира...»⁸, – говорил он в момент вступления в должность. Внешняя политика, по его мнению, должна быть в меньшей степени направлена на решение проблем безопасности в узком военном смысле и

⁶ Address to the B'nai B'rith Convention in Washington, DC. 08.09.1976. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-bnai-brith-convention-washington-dc#:~:text=Insofar%20as%20they%20comply%20with,of%20leadership%20in%20recent%20years.&text=Thank%20you> (accessed: 23.08.2025).

⁷ Даже во время президентской гонки Картер не оставил преподавание в воскресной школе для взрослых.

⁸ Jimmy Carter. Inaugural Address and Speech at Notre Dame University. 20.01.1977. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1977-pt2/pdf/GPO-CRECB-1977-pt2-3-2.pdf> (accessed: 23.08.2025).

в большей степени служить общечеловеческим интересам и ценностям.

Необходимо сделать оговорку, что 39-й президент был не единственным, кто призывал утвердить концепт прав человека в практике международных отношений. Хельсинкская декларация 1975 года, включавшая обязательства государств в гуманистической сфере, фактически стала платформой для превращения его в универсальную международную норму. Картер же, исходя из убеждения о ведущей роли Соединённых Штатов в мире, стремился сделать свою страну локомотивом её продвижения и вернуть США пошатнувшиеся позиции «лидера свободного мира». Приняв за основу определение нормы как «подобающего поведения для субъектов с заданной идентичностью» [Finnemore, Sikkink 1998: 891], можно утверждать, что президент действовал в соответствии с традиционным пониманием сути американской внешнеполитической идентичности.

Конструктивистская логика, в рамках которой национальный интерес рассматривается как эмпирическая проблема, помогает понять, почему в конкретный период истории именно права человека стали важны для государственного интереса США и как именно конкретные политики формулировали и реализовывали новые идеи. В то же время с точки зрения реалистского конструктивизма, который в отличие от реализма не следует дедуктивной логике и не постулирует интерес к выживанию государства и накапливанию им моши настолько же минималистично [Barkin 2020: 64], действия 39-го президента могут быть охарактеризованы с позиции рационального целеполагания, что вполне согласуется с реалистской точкой зрения.

Намерение сделать продвижение прав человека центральным элементом внешней политики сопровождалось их конкретным перечислением со стороны администрации. Речь идёт о свободе от посягательств на неприкосновенность личности со стороны государства; праве на удовлетворение жизненно важных потребностей (питание, жильё, здравоохранение и образование); гражданских и политических правах⁹. Особенно Картер акцентировал необходимость соблюдения этих норм государствами «третьего мира» и в отношении этих государств со стороны США, которым больше не следовало отделять традиционные проблемы войны и мира от глобальных вопросов справедливости и прав человека и при этом ожидать, что другие страны будут следовать их диктату. Вместо этого, полагал президент, американцы должны концентрировать усилия на «вдохновении, убеждении и наставничестве» [курсив автора – Е.Г.]¹⁰. С самого начала в администрации понимали, что Соединённым Штатам придётся учитывать ограничения в отстаивании прав человека за рубежом и предупреждали, что доктринальный подход, заключающийся в навязывании американских ценностей другим странам, не будет работать¹¹. Суть предлагавшегося демократами реформирования внешней политики заключалась в интеграции прав человека и уважения национального суверенитета стран «третьего мира», признании права народов этих стран на свободу выбора собственного пути социально-экономического развития.

Отдельного внимания в выступлениях президента удостаивались непосредственные соседи США. Помимо общих рассуждений о моральности внешней политики,

⁹ Address by Secretary of State Vance. Human Rights and Foreign Policy. Athens, Georgia. 30.04.1977. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d37> (accessed: 29.08.2025).

¹⁰ Jimmy Carter. Inaugural Address and Speech at Notre Dame University. 20.01.1977. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1977-pt2/pdf/GPO-CRECB-1977-pt2-3-2.pdf> (accessed: 23.08.2025).

¹¹ Address by Secretary of State Vance. Human Rights and Foreign Policy. Athens, Georgia. 30.04.1977. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d37> (accessed: 29.08.2025).

заявления президента свидетельствовали о попытке скорректировать стратегические установки в отношении латиноамериканских стран, перестроить их на основе равенства и главное – рассматривать их не в качестве объектов двустороннего взаимодействия и даже не как участников регионального сообщества, а как часть новой мозаики глобальных связей. Включение развивающихся стран континента в общий список «третьего мира» не без оснований рассматривалось республиканцами в качестве намерения отказаться от особых претензий США на Карибский регион и Латинскую Америку в целом. Для оппонентов Картера отношения Вашингтона с остальной частью полушария, придающие специфический оттенок американской обеспокоенности относительно происходящих в регионе процессов, являлись «историческим фактом»¹². На протяжении всей истории доктрины Монро, США в ответ на оказываемое латиноамериканским странам покровительство требовали от них лояльности и полагали, что географическая близость, традиции и идеи культурной и политической общности, подкрепленные официальными договорами и обязательствами, налагали на них обязательства и ответственность за всё полушарие¹³.

История доктрины Монро, которая поначалу в качестве главной цели провозглашала предотвращение европейского вмешательства и в целом была принята странами Латинской Америки, раскрывает тезис реалистского конструктивизма об «аморальных нормах», которые были приняты в прошлом, но позже стали отвергаться [Crowley-Vigneau et al. 2023: 50].

Учитывая утвердившуюся в XX веке интервенционистскую интерпретацию «Принципов 1823 года», так называемая ответственность за полушарие фактически оправдывала американское вмешательство во внутренние дела стран Латинской Америки, которое трудно было увязать с суверенитетом и правом на самоопределение. Разрешение данного нормативного конфликта Картер видел в отказе от патернализма и переходе к отношениям, основанным на партнёрстве. Публично президент не критиковал доктрину Монро, избегая малейшего упоминания о ней, но осудил американские модели вмешательства и сотрудничество с правыми антикоммунистическими диктатурами в регионе¹⁴, ранее рассматривавшимися в качестве союзников в «холодной войне». Сосредоточившись на ситуации с правами человека в этих странах, он фактически подверг delegitimation один из её ключевых принципов – интервенционизм.

В отличие от своего преемника республиканца Рейгана, Картер не имел явно выраженной политической идеологии. Концептуализировать и реализовывать задуманные подходы президенту помогала подобранный команда. Государственный секретарь Сайрус Вэнс, прежде служивший в должности заместителя министра обороны в правительстве Линдона Джонсона и ушедший в отставку из-за несогласия с политикой США во Вьетнаме, разделял взгляды президента относительно необходимости морального возрождения страны, которая, давая повод отождествлять свою внешнюю политику с репрессиями, «всегда рискует платить высокую цену»¹⁵. Вопреки традиционной характеристике Збигнева

¹² A Study of U.S. Policy Toward Latin America (NSSM 15). Washington. 05.07.1969. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve10/d4#:~:text=1.,of%20withdrawing%20from%20this%20relationship> (accessed: 29.08.2025).

¹³ Ibid.

¹⁴ Во время предвыборной кампании Картер особенно жёстко критиковал администрацию Никсона за вмешательство во внутренние дела Чили.

¹⁵ Human Rights and Foreign Policy. Address by the Honorable Cyrus Vance Secretary of State before the University of Georgia Law Day Ceremonies Athens, Georgia. April 30, 1977. P. 17. URL: https://digitalcommons.law.uga.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1015&context=lectures_pre_arch_lectures_lawday (accessed: 29.08.2025).

Бжезинского как одного из главных вashingtonских «ястребов», помощник по национальной безопасности, хотя и не был в эмоциональном плане столь же активным сторонником идеи прав человека, как Картер, по многим позициям являлся его единомышленником. Задолго до публичных выступлений будущего президента он говорил о необходимости пересмотра политики с южными соседями и отказе от идеи особых отношений с ними на фоне усиления идеологического влияния США в мире. Он считал, что расширяющаяся социальная база латиноамериканского национализма способствует его радикализации и делает его все более враждебным по отношению к США. В связи с этим Бжезинский рекомендовал признать, что «в новую глобальную эпоху географическая межамериканская сопряжённость больше не является непреложным императивом политики», и предлагал Соединенным Штатам отступить от доктрины Монро и перевести отношения с латиноамериканскими странами «на тот же уровень, что и взаимодействие с остальным миром, ограничившись акцентом на культурно-политическом сходстве...» [Brzezinski 1970: 108]. Часто возникавшее, особенно в последний год правления демократов, несогласие по принципиальным вопросам и в целом непрязненные отношения двух главных помощников президента – Бжезинского и Вэнса – в меньшей степени касались именно латиноамериканского направления внешней политики. По свидетельству самого Бжезинского, наоборот, чтобы минимизировать остроту серьёзных конфликтов по другим проблемам, в этой области они старались найти больше точек соприкосновения¹⁶. За координацию работы администрации по вопросам политики в области прав человека, а также реализацию непосредственно её латиноамерикан-

ского направления отвечал заместитель государственного секретаря Уоррен Кристоферсон. Он имел репутацию практического идеалиста, на протяжении политической карьеры отличавшегося стремлением избегать силовых решений в пользу переговоров. Одной из первостепенных фигур в администрации стал известный либеральными взглядами эксперт по Латинской Америке, бывший представитель США в Организации Американских государств (ОАГ) Сол Линовец, попавший в команду благодаря опубликованному ещё в 1974 г. докладу возглавлявшейся им неправительственной организации – Комиссии по вопросам отношений США с латиноамериканскими странами¹⁷.

Документ стал руководством к практической деятельности демократов: предложенный в нём подход должен был стать «свободным от патернализма», уважать суверенитет и проявлять толерантность к политическому и экономическому разнообразию стран региона. Эксперты призывали новую администрацию применять к региону «модель глобальной [курсив автора – Е.Г.] экономической политики», предлагали отказаться от практики военного вмешательства и положить конец тайным операциям. Более того, Линовец рекомендовал нормализовать отношения с Кубой, подвести черту под её четырнадцатилетней изоляцией, прекратить эмбарго на торговлю и поддержать отмену санкций¹⁸. Несмотря на то что главным вдохновителем прав человека являлся сам Картер, возникновение идеи реформирования внешней политики и её латиноамериканского направления объяснялось не только уникальными личностными чертами одного человека и его приверженностью определённой системе ценностей.

Состав пришедшей к власти в 1977 г. команды подтверждает проводимый реа-

¹⁶ Pastor R. The Carter Administration and Latin America: A Test of Principle. The Carter Center, 1992. URL: <https://www.cartercenter.org/documents/1243.pdf> (accessed: 25.09.2025).

¹⁷ Многие другие члены комиссии также впоследствии работали в администрации Картера.

¹⁸ Inter-American Blueprint // New York Times. 08.11.1974. URL: <https://www.nytimes.com/1974/11/08/archives/interamerican-blueprint.html> (accessed: 29.08.2025).

листским конструктивизмом тезис о существовании внутри одного государства социальных групп, имеющих обоснованно различные представления о национальном интересе и допускающих оспаривание его привычной трактовки. Реалистский конструктивизм, оставаясь в рамках именно конструктивистской парадигмы, позволяет увидеть, как эти группы продвигали отличные от общепринятых взгляды и убеждали менять подходы, лежавшие в основе внешней политики. В данном случае политические преобразования могут быть обусловлены изменениями в убеждениях и культуре, а не только трансформациями в международной системе. Использование данного подхода предоставляет неоклассическому реализму больше возможностей для объяснения политических изменений. Одновременно реалистский конструктивизм способен решить присущую реализму проблему неполного учета всех факторов, участвующих в процессе формирования внешнеполитического поведения государств, которая возникает в силу его слишком сильного акцента на структуре системы как непосредственной детерминанте политики [Barkin 2020: 64, 67].

Таким образом, анализ общего политического контекста и действий президента позволяет зафиксировать два единовременно проявлявшихся аспекта. С одной стороны, существуют международное признание концепта прав человека в качестве универсальной нормы и убеждённость американского лидера в первостепенной роли Соединённых Штатов в её утверждении. С другой – резко критическое отношение общественности как внутри страны, так и за её пределами к политике, демонстрировавшей, по известному выражению сенатора Уильяма Фулбрайта, «высокомерие силы» и допускавшей дискриминацию стран целого континента посредством объявления их зоной особых интересов. Воплощением такой политики на протяжении десятилетий являлась доктрина Мон-

ро. Доктрина вошла в противоречие с центральным замыслом реформы, запланированной демократами. Это является яркой иллюстрацией тезиса сторонников реалистского конструктивизма о том, что нормы двух рассмотренных выше категорий вступают в конфликт друг с другом, «создавая напряжённость в международной системе» [Crowley-Vigneau et al. 2023: 51]. Для понимания логики действий американского руководства наиболее перспективным представляется теоретическое положение, что нормы, касающиеся групп, как правило, обусловлены не морально-этическими соображениями, а интересами, поэтому подвержены изменению в значительно большей степени, чем универсальные и устойчивые нормы первой категории [Crowley-Vigneau et al. 2023: 52]. В данном случае задача администрации облегчалась тем обстоятельством, что ей предстояло оспорить долго подвергавшуюся инструментализации и, следовательно, более слабую групповую норму – «Принципы 1823 года».

Гренада: убеждение вместо конфронтации

Приверженность Картера реформистской линии подтверждается политикой администрации в отношении Гренады, где в марте 1979 г. произошёл переворот. Диктаторский режим Эрика Гейри пал, и к власти пришло Народное революционное правительство (НРП) во главе с Морисом Бишопом. Первые американо-grenадские контакты свидетельствуют о стремлении США избежать конфронтации с новой властью. Сразу же посетивший Сент-Джорджес госсекретарь охарактеризовал встречу с Бишопом и его сподвижниками как «сердечную», а своих собеседников как «умных, мотивированных и трудолюбивых молодых людей из привилегированных слоёв общества, смело выступивших против коррупции и обанкротившегося режима, ... слишком идеалистичных, недостаточно прагматичных и нуждающихся в помощи извне»¹⁹.

¹⁹ Grenada Recognition. Doc.E168. March 23, 1979. The National Archives in Washington, DC. URL: <https://nsarchive.files.wordpress.com/2012/10/bishop-grenada.pdf> (accessed 23.11.2024).

В Вашингтоне знали об антиамериканских взглядах лидеров Гренады, но первые шаги НПР выглядели вполне миролюбиво. Новая власть пообещала не преследовать политиков из окружения Гейри, а также поддерживать смешанную экономику. Находившихся в стране иностранцев призвали оставаться. Все эти факторы благоприятствовали планам администрации установить контакты с лидерами НПР. Они же заставляют усомниться в достоверности часто встречающейся в отечественной и зарубежной литературе информации о введении в действие направленного против НПР плана ЦРУ, якобы называвшись «Пирамида» [Нитобург, Ровинская 2015, Строганова 2012: 60, Тестов 2005: 13, Rose 2002: 381]²⁰. Документов, подтверждающих существование плана с таким названием, и свидетельств о его внедрении, на сегодняшний день нет.

Позицию администрации в отношении НПР можно охарактеризовать как заинтересованную, нодержанную. США не стали содействовать попыткам Гейри вернуть власть, а Совет национальной безопасности (СНБ) отклонил предложение Пентагона об установлении морской блокады Гренады [Schoenhals, Melanson 2019: 36]. В то же время Вашингтон отказал Бишопу в поставках оружия, которое он просил на случай вторжения наёмников свергнутого диктатора. Ещё одним доказательством готовности Соединённых Штатов к диалогу с новым правительством явился беспрецедентный шаг – обращение администрации в Министерство юстиции с просьбой оказать содействие в экстрадиции Гейри, которого Бишоп обвинял в убийстве своего отца [Williams 2007: 45]. Вашингтон взял

курс на убеждение новых лидеров Гренады в необходимости проведения выборов. При этом американцы, зная о популярности Бишопа в стране, не сомневались в его победе и не видели в ней угрозы. Публичные антиамериканские выпады главы НПР в Вашингтоне списывались на его молодость, опьянение успехом и популизм. Его наиболее известная фраза – «Мы ничей не задний двор, и мы не продаемся!»²¹ – соответствовала призывам Картера, воспринимавшего подобные заявления как справедливую обиду за многолетнюю «аморальную» позицию в их отношении, проявлять уважение к южным соседям и «делать всё возможное, чтобы они смогли полюбить США»²².

Как и весь внешнеполитический курс Картера, стратегия США в Карибском бассейне зачастую характеризовалась как недальновидная и противоречившая национальным интересам Соединённых Штатов. Политические оппоненты называли президента наивным идеалистом, а специалисты в области политической психологии даже отмечали когнитивное искажение реальности и отсутствие у него стратегического мышления [Гринстайн 2007: 181], результатом чего становилось принятие решений, не имевших никакой общей структуры [Moffett 1985: 59, 60, 61]. Реалистский конструктивизм позволяет опровергнуть это утверждение: можно утверждать, что целью Картера была борьба именно за власть и влияние, в которой он последовательно использовал имевшиеся у его страны ресурсы, в том числе дискурс и силу убеждения. Тем не менее, когда социально сконструированные государственные интересы выходят за рамки простого выжи-

²⁰ Эта весьма распространённая ошибка в историографии происходит из непроверенных сведений, содержащихся в одной из речей самого Бишопа. В одном из выступлений по национальному радио он рассказал, что ЦРУ разработало план по подрыву революции. При этом гренадский лидер сослался на информацию «одного известного экономиста и советника многих правительств, имеющего очень близкие контакты с людьми в Министерстве финансов США», который и поделился с ним данным секретом. См.: Organise to Fight Destabilisation. National Broadcast on RFG, 8 May 1979. The Pyramid Plan of the CIA. In: In Nobody's Backyard. Maurice Bishop's Speeches, 1979-1983: A Memorial Volume. Edited by Chris Searle. London: Zed Books Ltd, 1984. P. 20.

²¹ Organise to Fight Destabilisation. P. 12–13.

²² Summary of Conclusions of a Presidential Meeting. Washington. 19.10.1979. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d368> (accessed: 29.08.2025).

вания, максимизация власти не является самоцелью [Barkin 2020: 66].

Картер считал, что разрядка международной напряжённости давала США основание для переноса центра тяжести внешней политики с оси Восток–Запад на ось Север–Юг, что предполагало повышенное внимание странам «третьего мира» и малым державам²³. Первым примером практических действий администрации в формате новой политики было возвращение Панамского канала под суверенитет Республики Панама. Этот вопрос рассматривался Картером с ценностно-нормативной точки зрения: возникшая после Второй мировой войны международная моральная антиколониальная норма в сочетании с правами человека, с его точки зрения, не оставляла места посягательствам на суверенитет соседней страны. Договор 1903 года о канале он воспринимал в качестве нарушения суверенных прав Республики Панама. Курс, избранный администрацией в отношении Гренадской революции, был ещё одним проявлением такого подхода.

Тем не менее камнем преткновения стали тесные связи нового режима с Кубой, которая многими членами администрации по-прежнему воспринимались как главная угроза безопасности. Американцы понимали, что для Гаваны Гренада стала возможностью не только усиления влияния в Карибском регионе, но и дальнейшего укрепления престижа в качестве лидера «третьего мира»²⁴. Практически сразу после прихода к власти НРП договорилось с правительством Фиделя Кастро о поставках оружия и помощи в реализации крупных инфраструктурных проектов, в частности строительстве нового аэропорта, в граж-

данское назначение которого США не верили. Регулярные секретные донесения из американских посольств соседних государств содержали информацию об активизации Кубы на гренадском направлении²⁵.

В то же время единого мнения в отношении кубинского фактора в ближайшем окружении президента не было. По сравнению с руководством государственного департамента в лице госсекретаря Вэнса и его помощника по делам Латинской Америки Вайрона Ваки, настроенных на диалог с руководством Гренады, Бжезинский неоднократно пытался привлечь внимание руководства к факту кубинского присутствия на острове и активно «продавливал» (согласно его собственноручным пометкам) идею привлечения ЦРУ для предотвращения «сползания Гренады в объятия Кубы». Роберт Гейтс, в разное время служивший в правительстве в должности министра обороны и директора ЦРУ, в опубликованных позже мемуарах рассказал, что в какой-то момент Бжезинский, по всей вероятности, сумел убедить президента подписать соответствующее распоряжение, после чего глава СНБ направил директору разведывательного ведомства США Стэнсфилду Тёрнеру указание в кратчайшие сроки подготовить ответ на запрос руководства [Gates 1997: 143]. Ответ главы ЦРУ содержал информацию о начале разработки «детальной программы политических действий, направленных на поддержку оппозиционных сил в Гренаде, оказание давления на НРП с целью проведения демократических выборов, сдерживание кубинского влияния в Карибском регионе и дискредитации левых сил в других карибских странах»²⁶.

²³ Pastor R. The Carter Administration and Latin America: A Test of Principle. The Carter Center, 1992. URL: <https://www.cartercenter.org/documents/1243.pdf> (accessed: 10.10.2025).

²⁴ Cuban Presence and Activities in the Third World. URL: <https://web.archive.org/web/20130408130811/http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA305100> (accessed: 26.08.2025).

²⁵ The Weekly "Bomb" Charges Cuban Military Participation in Grenada Coup. 23.03.1979. Doc. E167. The National Archives in Washington, DC. URL: <https://nsarchive.files.wordpress.com/2012/10/bishop-grenada.pdf> (accessed: 26.08.2025).

²⁶ Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to Director of Central Intelligence Turner. Washington, May 8, 1979. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d320> (accessed: 26.08.2025).

Тем не менее реализовать план привлечения ЦРУ Бжезинскому не удалось, поскольку Картер счёл необходимым посоветоваться с Конгрессом. Сенатский комитет по разведке отреагировал крайне негативно и напомнил президенту, что привлечение ЦРУ противоречит его заявлениям о защите прав человека и невмешательстве в дела суверенных государств. И хотя комитет не имел юрисдикции относительно одобрения или неодобрения операций ЦРУ, Картер наложил на них запрет [Gates 1997: 143]. Администрация преимущественно в лице самого президента и государственного секретаря предпочитала избегать недопонимания с НРП и не поднимать проблемные вопросы, так как конфронтационная политика и санкции могли подтолкнуть Гренаду к более тесному сотрудничеству с Кубой. Главной задачей в США считали установление с ней доверительных отношений.

Последнее утверждение в очередной раз могло бы трактоваться с точки зрения реализма как отсутствие у Вашингтона выверенной стратегии. При этом конструктивисты рассматривают национальный интерес и безопасность в культурно-нормативном поле [Jepperson et al. 1996: 51–52]. В процессе обеспечения безопасности государства оказываются вовлечёнными в борьбу за дискурсивное доминирование и конструирование нормативных положений, обеспечивающих им влияние на социальные структуры и поведение субъектов. В то же время государства проявляют способность «защищать идентичности и нормы, а также ... навязывать их другим государствам, что и является, по преимуществу, их логикой поведения» [Худайкулова, Неклюдов 2019: 144]. Совершенно правы российские исследователи, утверждающие, что важнейшим

условием эффективности этих действий всегда выступает доверие [Худайкулова, Неклюдов 2019: 131]. Этот аспект представлялся Картеру крайне важным, поскольку после войны во Вьетнаме США было необходимо восстанавливать доверие «третьего мира». Военное вмешательство обусловило трансформацию составлявших американскую государственную идентичность элементов, нивелировав значение «великая держава» и усилив компоненты «империалист» и «враг», что с точки зрения конструктивистов оказывало существенное влияние на характер взаимодействия акторов международной системы [Конышев и др. 2016: 104].

Наиболее эффективным инструментом влияния на НРП в администрации считали экономическую помощь, предоставление которой на протяжении 1979–1980 годов было центральным элементом гренадской стратегии США. Президент говорил о равенстве и взаимозависимости, что отличало его, например, от Джона Кеннеди, основным инструментом латиноамериканской политики также считавшего помочь отдельным странам в рамках программ содействия международному развитию. Важное уточнение внёс Роберт Пастор, во времена президентства Картера работавший в штате Совета по национальной безопасности и отвечавший там за латиноамериканское направление. Политика Кеннеди, по его мнению, строилась на патерналистской основе: поскольку средства выделялись значительные, а задачи перед правительствами латиноамериканских стран ставились масштабные (например, политические и земельные реформы)²⁷ «за свою щедрость США ожидали послушного поведения»²⁸. Фактически особые отношения США [со странами региона] означали серьёзное вмешатель-

²⁷ Созданные в 1961 г. Агентство по международному развитию и «Союз ради прогресса», обязались предоставить более 20 миллиардов долларов взаймы латиноамериканским странам, которые будут продвигать демократию и проводить значимые социальные реформы, в частности, предоставляемая права собственности на землю большему числу своих граждан. В то время это была крупнейшая программа помощи США, созданная для развивающихся стран.

²⁸ Pastor R. The Carter Administration and Latin America: A Test of Principle. The Carter Center, 1992. URL: <https://www.cartercenter.org/documents/1243.pdf> (accessed: 22.11.2024).

ство во внутренние дела суверенных стран Латинской Америки.

Картер стремился изменить эту практику: в годы его президентства вопрос о предоставлении зарубежной помощи был увязан с правами человека. Ключевым документом, регулирующим основы политики предоставления экономической и военной помощи, стала разосланная в феврале 1978 г. президентская директива NSC–301. В ней указывалось, что при распределении помощи следует уделять первостепенное внимание странам с хорошей репутацией в области соблюдения прав человека или странам, где США могут наблюдать позитивную динамику в этой сфере²⁹.

Многие члены СНБ разделяли мнение президента и государственного департамента относительно действенности экономической помощи в деле отчуждения Гренады от Кубы. Бжезинский и его сотрудники рассуждали не с позиций картеровского плюрализма, а скорее в формате классической теории домино: «Переворот в Гренаде лишь симптом более серьёзной проблемы в этом регионе. Нестабильность в Доминике и Сент-Люсии указывает на огромную потребность США поддержать эти острова и свести к минимуму шансы ещё одной Гренады. Если ещё один остров падёт в результате левого переворота, ...это будет иметь чрезвычайные политические и геополитические последствия для внешней политики США в регионе и в мире»³⁰. На такое восприятие угрозы влияние оказывала, в том числе, и личность руководителя СНБ. Будучи поляком по происхождению и советологом по образованию, Бжезинский не мог отойти от стереотипов

«холодной войны» и принять картеровский плюрализм. Он по-прежнему рассматривал международную реальность с точки зрения конфронтации по оси Восток–Запад. Этим обстоятельством объяснялись настороженность СНБ в отношении связей НРП с правительством Фиделя Кастро и скепсис в вопросе помощи.

Гренадские лидеры осознавали, что экономика страны сильно зависела от иностранной помощи. Одновременно они стремились поддерживать репутацию независимых и жёстких партнёров США. Отказ НРП следовать американским рекомендациям, в первую очередь в отношении проведения демократических выборов рассматривался СНБ как провокация. Параллельно менялась и политico-идеологическая обстановка в самой Гренаде. НРП всё больше усиливало контроль над средствами массовой информации и общественной жизнью, о чём Бжезинский регулярно докладывал президенту³¹, подчёркивая ситуацию с правами человека. Закрывались оппозиционные газеты, запрещались издания религиозной направленности; периодически появлялась информация о контрреволюционных заговорах. В результате через год после революции в Гренаде было больше заключённых, чем при Гейри [Williams 2007: 49].

Решения об уменьшении помощи Гренаде принимались под влиянием изменившейся ситуации как в регионе, так и в мире. Первым серьёзным испытанием политики прав человека и невмешательства стало свержение никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы. Республиканцы обвинили Картера в предательстве давнего союзника, поскольку, следуя

²⁹ Presidential Directive/NSC–30. Washington. 17.02.1978. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v02/d119#:~:text=It%20shall%20be%20a%20major,to%20the%20nation%20in%20question> (accessed: 29.08.2025).

³⁰ Memorandum From Robert Pastor of the National Security Council Staff to the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Aaron). Washington. 02.07.1979. Subject: Aid for the Caribbean. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d363> (accessed: 29.08.2025).

³¹ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter. Washington. 18.10.1979. Subject: Some Ideas for Your Briefing on Central America (CA) and the Caribbean (CAR). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d367> (accessed: 23.08.2025).

директиве³², он прекратил военную помощь Национальной гвардии, являвшейся главной опорой репрессивного режима Сомосы. Сам Картер трактовал победу Сандинистской революции в рамках идеологического плюрализма и права суверенной страны определять свой внутренний строй и идеологию. Несмотря на критику консерваторов, президент пригласил членов Правительства национальной реконструкции (ПНР) во главе с Даниэлем Ортегой в Белый дом, где напомнил о необходимости даже в условиях продолжающейся гражданской войны уважать права человека. Впоследствии администрация запросила в Конгрессе 80 млн долларов (75 млн для Никарагуа и 5 млн для других государств Центральной Америки) в дополнение к уже одобренным ассигнованиям. Продолжительные дебаты в Конгрессе завершились принятием закона о помощи правительству Ортеги³³.

Если победу сандинистов Картер мог трактовать в контексте идеологического плюрализма, то последующие события 1970-х – начала 1980-х годов в мире стало сложнее трактовать таким образом. Серьёзными внешнеполитическими испытаниями для его администрации стали и подтверждение присутствия советской бригады на Кубе, сведения о которой время от времени появлялись в прессе и долгое время расценивались Картером как провокация, и Исламская революция в Иране с сопутствующим захватом американских заложников, и, наконец, ввод советских войск в Афганистан, символизировавший конец разрядки, – эти события обостряли

не только международную, но и внутреннюю ситуацию в США. Сокрушительным ударом для президента стала провальная попытка спасения заложников – операции «Орлиный коготь» – и последовавшая за ней добровольная отставка государственного секретаря Вэнса, который с самого начала был категорически против силовых мер разрешения конфликта, но не смог отстоять свою позицию. Все эти разноуровневые факторы влияли на политику администрации в отношении Гренады и региона в целом. Принятые на протяжении 1980 г. решения – о создании постоянной Карибской Объединённой оперативной группы со штабом во Флориде (*Caribbean Contingency Joint Task Force*), о расширении военных манёвров³⁴, о военно-технической помощи Барбадосу, который до этого никогда её не получал, – косвенно могли свидетельствовать об ужесточении политики демократов.

Главная трудность реализации гренадской политики состояла в противоречии между ориентацией Картера на идею взаимозависимости и стремлением реформировать отношения с Латинской Америкой на основе нового набора универсальных ценностей, с одной стороны, и необходимостью решать традиционные проблемы безопасности – с другой. Рассматривая роль идей и убеждений в процессе формирования национальных интересов, реалистский конструктивизм позволяет увидеть, что в меняющихся условиях международной жизни, динамики социального взаимодействия, в том числе и на межгосударственном уровне, трансформируются и пред-

³² США не должны, за исключением исключительных обстоятельств, предпринимать действия, которые могли бы привести к материальной или финансовой поддержке полиции, органов гражданского правопорядка или других органов, выполняющих функции внутренней безопасности правительств, совершивших серьёзные нарушения прав человека. Presidential Directive/NSC–30. Washington. 17.02.1978. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v02/d119#:~:text=It%20shall%20be%20a%20major,to%20the%20nation%20in%20question> (accessed: 29.08.2025).

³³ Central America, 1977–1980. URL: <https://history.state.gov/milestones/1977-1980/central-america-carter> (accessed: 29.08.2025).

³⁴ Caribbean Contingency Force at Key West Insists It Still Has a Task // Washington Post. 12.10.1980. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1980/10/12/caribbean-contingency-force-at-key-west-insists-it-still-has-a-task/b7065d10-5a33-4fb9-bfab-4a98e1d2b687/> (accessed: 22.08.2025).

ставления о безопасности, для обеспечения которой может понадобиться корректировка представлений об идентичности (например, кого считать врагом, а кого – союзником) и нормативных стандартов (кого поддерживать, а кого – нет). Эта точка зрения предполагает толкование национальных интересов в долгосрочной перспективе. В то же время процесс их определения подразумевает и учёт трансформации международной обстановки. Однако даже в ближайшем окружении президента стремительные перемены конца 1970-х годов, многие из которых не могли быть приняты во внимание при формировании внешнеполитического курса, трактовались как новые угрозы, требовавшие решения в краткосрочной перспективе. Особые отношения США с Латинской Америкой всегда были обусловлены географической близостью, поэтому на фоне изменений общей международной ситуации кубинский фактор вынуждал руководство США воспринимать угрозу в Карибском бассейне особенно остро.

Таким образом, долгосрочные ожидания результатов реализации национальных интересов вступали в коллизию с краткосрочными императивами безопасности. Тем не менее, несмотря на усиление негативных тенденций двустороннего взаимодействия, даже в условиях острого внешнеполитического кризиса позиция администрации в отношении Гренады существенно не изменилась. Об этом, в частности, свидетельствовали повторявшиеся жалобы ЦРУ на невозможность предпринимать какие-либо действия ввиду сопротивления государственного департамента³⁵.

Ситуация в регионе переставала казаться тревожной даже Бжезинскому, отмечавшему снижение уровня леворадикальной опасности в Восточно-Карибском регионе и ослабление импульса привлекательности Гренадской революции³⁶. При этом самый жёсткий и алармистски настроенный политик признавал, что сдерживать реальный и потенциальный дрейф стран региона в сторону Кубы лучше через сотрудничество и помочь развитию, а не давление, на что и был направлен главный вектор карибской стратегии Вашингтона в последний год президентства Картера.

Оценивать эффективность стратегии администрации демократов в отношении Гренады крайне сложно: у Картера оставалось слишком мало времени для того, чтобы увидеть ее результаты. К тому же на завершающем этапе его президентства, в силу других международных событий, эта страна уже не могла претендовать на высокое место в списке внешнеполитических приоритетов. Однако пример Гренады, которая вследствие революции и прихода к власти леворадикальных сил оказалась участником типичного для биполярного мира интернационализированного конфликта, интересен тем, что не только позволяет проследить логику и противоречия реализации обещанных Картером реформ внешней политики, но и свидетельствует о высокой значимости и важнейшей роли, которую такие факторы, как дискурс, нормы и ценностные ориентиры американского руководства, играли в процессе выработки стратегии в отношении конкретной страны.

³⁵ Memorandum From the Deputy Director of Central Intelligence (Carlucci) to the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Aaron), the Senior Adviser to the Secretary of State (Habib), and the Under Secretary of State for Political Affairs (Newsom) Washington. 23.11.1979. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d331> (accessed: 23.08.2025); Central Intelligence Agency, Office of the Director of Central Intelligence, Job 81B00112R: Subject Files, Box 16, Folder 10: (SCC) Caribbean. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d331> (accessed: 23.08.2025).

³⁶ Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter. Washington. 13.09.1980. Carter Library, National Security Affairs, Brzezinski Material, Country File, Box 46, Latin America, 6/80–1/81. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d377> (accessed: 23.08.2025).

* * *

Нормы и социальные институты способны направлять внешнеполитический курс государства и быть значимыми факторами в определении целей на этом направлении, а также создавать образец поведения в соответствии с установками государственного аппарата [Finnemore 1996: 23, 28]. Сторонники реалистского конструктивизма полагают, что идентичности и интересы в равной степени способствуют формированию политики, а столкновение этих двух факторов порождает амбивалентность [Delacour 2020: 146; Sjoberg 2020: 207]. Данный подход позволил проследить, как интересы и идентичность взаимно формировали политику США к Гренаде и региону в целом.

Для Картера гуманизация внешней политики и образа Соединённых Штатов не являлась самоцелью: он видел её в качестве одного из главных компонентов государственных интересов страны. Следуя этому вектору, администрация попробовала отказаться от политики особых отношений с южными соседями в пользу универсального подхода. Это решение представляло собой главное отклонение от нормативных параметров доктрины Монро и ключевую корректировку традиционных основ латиноамериканской политики США. Концепт же прав человека, перенесённый в плоскость практического взаимодействия со странами региона, должен был стать основой этой политики. Пример политики администрации Картера явил стремление Вашингтона переосмыслить и оспорить норму второй категории (доктрину Монро) в попытке интегрировать её с универсальной нормой первой группы — правами человека.

Посредством легитимации прав человека в категориях морали во внешней политике и последующей их трансформации в принцип уважения национального суверенитета малых стран Картер бросил вызов и доктрине Монро, и утвердившимся во время «холодной войны» американским

моделям вмешательства, и практике поддержки диктатур на основании лишь их антисоветской и антикоммунистической идеологии. Позиция президента в отношении Гренадской революции, равно как Карибского региона и «третьего мира», служит эмпирическим подтверждением тезиса сторонников конструктивизма, что интеграция универсальных норм в национальные интересы, требовавшая долгих ожиданий результатов реализации основанной на этих нормах политики, может «ослабить» стратегию их защиты в текущем моменте.

Предпринятые попытки глубокого реформирования внешней политики не только не увенчались успехом, но скорее вызвали обратную реакцию как внутри США, так и за пределами страны. Администрации не удалось сдержать левые радикальные силы в регионе³⁷, как не получилось и изменить модели взаимоотношений с антикоммунистическими силами, например, в Никарагуа, Гватемале и Сальвадоре. Сдержанная и осторожная позиция в отношении плюрализма стран «третьего мира», демонстрировавшаяся Белым домом в условиях разрядки напряжённости с Советским Союзом, не только столкнулась с твёрдой оппозицией внутри страны, связанной с неприемлемыми издержками безопасности и экономические потерями. Многие государства, в том числе Иран, Никарагуа и Гренада, восприняли её как проявление слабости Вашингтона и сигнал к возможности проведения более проактивной политики со своей стороны [Talavera, Goméz 2015: 4, 11]. В результате фатальной для Картера динамики геополитических и внутриполитических изменений его намерение возвести концепт прав человека в ранг универсальной нормы американской внешней политики потерпело неудачу.

Тем не менее стремление президента выйти за рамки традиционной дипломатии времён доктрины Монро и «холодной войны» заслуживает пересмотра классифика-

³⁷ И одно из подтверждений этому — дальнейшее развитие событий в Гренаде.

ции и оценки эволюции доктринальных установок США в отношении стран Латинской Америки, в которых Картер даже не упоминается, а период его президентства по умолчанию относится к времени «возвращения политики военной силы» [Миронов 2012: 83; Benjamin 1987: 110]. С приходом к власти консервативных республиканцев во главе с Рейганом Вашингтон стал менее уступчивым в вопросе выбора

путей развития ближайших соседей. Через неполных три года решимость консерваторов преодолеть «вьетнамский синдром» привела к военному вторжению США в Гренаду. Этот шаг, безусловно, был предпринят под влиянием комплекса конкретных факторов и событий. Но и ценностно-нормативные установки Рейгана кардинально отличались от принципов и идеальных ориентиров его предшественника.

Список литературы

- Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. №1. С. 4–21. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21)
- Гринстайн Ф.И. Личность президента и лидерство // Социология власти. 2007. № 1. С. 175–186.
- Истомин И.А. Оправдание вмешательства? Роль «доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. №3. С. 11–55. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55>
- Изэрзов А.А. Доктрина Монро, или Власть слова // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №6. С. 37–63. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-37-63
- Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2016. №3. С. 94–112.
- Косолапов Н.А. Общесистемные интересы вместо национальных. Классические понятия и российская специфика // Россия в глобальной политике. 2016. №2. С. 34–53.
- Кочетков В.В. Теория конструктивизма в международных отношениях // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и geopolитика. 2024. №3. С. 3–18. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-03-18
- Коцур Г.В. Проблемы нормативного взаимодействия в конструктивистских теориях международных отношений // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2019. Т.14. №3 (191). С. 161–70.
- Миронов В.В. Латиноамериканский вектор во внешней политике США: эволюция доктринальных установок и факторы формирования в современности // Вестник Омского университета. 2012. №1. С. 79–86.
- Нитобург Э., Ровинская Е. Гренада: судьбы большой революции в маленькой стране // Новая и новейшая история. 1984. №5. С. 124–148.
- Строганова Е.Д. Политика США в отношении левых режимов Латинской Америки (часть четвертая) // Берегиня/777/Сова. 2012. №3. С. 55–63.
- Строганова Е.Д. США и левые режимы Латинской Америки. М.: Весь Мир, 2017. 288 с.
- Тестов О.В. Гренада: Революция и контрреволюция (1979–1983 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2005. 20 с.
- Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе // Вестник МГИМО–Университета. 2019. Т. 12. №6. С. 129–149. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149>
- Юдин Н.В. Дискуссия об образах силы в теории международных отношений: поворот не туда? // Международные процессы. 2018. Т. 16. №3. С. 84–99. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.1.60.8>
- Barkin J.S. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. Vol. 5. No. 3. P. 325–342. <https://doi.org/10.1046/j.1079-1760.2003.00503002.x>
- Barkin J.S. Realist Constructivism and Realist-Constructivisms // International Studies Review. 2004. Vol. 6. No. 2. P. 348–352. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_6.x
- Barkin J.S. Realism, Constructivism, and International Relations Theory // APSA Toronto Meeting Paper. 2009. 22 p. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1451682
- Barkin J.S. Realist Constructivism: Rethinking International Relation Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 204 p.
- Benjamin J. The Framework of U.S. Relations with Latin America in the Twentieth Century: An Interpretive Essay//DiplomaticHistory.1987.Vol.11.No.2.P.91–112.<https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.1987.tb00007.x>

- Brzezinski Z.* Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York: The Viking Press, 1970. 123 p.
- Chomsky N.* Turning the Tide: U.S. Intervention in Central America and the Struggle for Peace. Chicago: Haymarket Books, 2015. 464 p.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A., Wohlforth W.* Realist Constructivism: a New Perspective on Norm Theory // Mezhdunarodnye protsessy. 2023. Vol. 21. No. 2. P. 44–62. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.2.73.3>
- Delacour J.O.* Taking Co-constitution Seriously: Explaining an Ambiguous US Approach to Latin America // The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism / ed. by J. S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. P. 140–160. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.007>
- Finnemore M.* National Interests in International Society. Ithaca; London: Cornell University Press, 1996. 167 p.
- Finnemore M., Sikkink K.* International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 887–918.
- Gates R.* From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. New York: Simon & Schuster, 1997. 607 p.
- Guzzini S.* Saving Realist Prudence // The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism / ed. by J. S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. P. 202–218. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.010>
- Iancu A.* The Bridging Capacity of Realist Constructivism: The Normative Evolution of Human Security and the Responsibility to Protect // The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism / ed. by J. S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. P. 171–192. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.008>
- Jackson P.T., Nexon D.H.* Constructivist Realism or Realist-Constructivism? // International Studies Review. 2004. Vol. 6. No. 2. P. 337–341. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_2.x
- Jepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P.* Norms, identity, and culture in national security // Culture and National Security / ed. by P. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 33–75.
- Michael A.* Realist-Constructivism and the India–Pakistan Conflict: A New Theoretical Approach for an Old Rivalry // Asian Politics & Policy. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 100–114. <https://doi.org/10.1111/aspp.12365c>
- Michaels E.* Renewing Realist Constructivism: Does It Have Potential as a Theory of Foreign Policy? // Teoria Polityki. 2022. No. 6. P. 101–122. <https://doi.org/10.4467/25440845TP.22.006.16006>
- Moffett III G.D.* The Limits of Victory: Ratification of the Panama Canal Treaties. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985. 261p.
- Nexon D.H.* Creating Insecurity: Realism, Constructivism, and US Security Policy by Anthony D. Lott // Political Science Quarterly. 2005. Vol. 120. No. 3. P. 527–528. <https://doi.org/10.1002/j.1538-165X.2005.tb01404.x>
- Prados J.* Safe for Democracy. The Secret Wars of the CIA. Chicago: Ivan R. Dee, 2006. 736 p.
- Rose E.A.* Dependency and Socialism in the Modern Caribbean. Superpower Intervention in Guyana, Jamaica, and Grenada, 1970–1985. Boston: Lexington Books, 2002. 452 p.
- Schoenhals K., Melanson R.* Revolution and Intervention in Grenada. The New Jewel Movement, the United States, and the Caribbean. London; New York: Routledge, 2019. 211 p.
- Sjoberg L.* Permutations and Combinations in Theorizing Global Politics: Whither Realist Constructivism // The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism / ed. by J. S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. P. 180–201. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.009>
- Sterling-Folker J.* Realist-Constructivism and Morality // International Studies Review. 2004. Vol. 6. No. 2. P. 341–343. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_3.x
- Sterling-Folker J.* Neoclassical Realism and Identity: Peril Despite Profit Across the Taiwan Strait // Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy / ed. by S.E. Lobell, N.M. Ripsman, J.W. Taliaferro. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 99–138. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511811869.004>
- Talavera F., Goméz P.* La revolución en Granada y la izquierda trasnacional (1979–1983) // XI Jornadas de Sociología. Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de Buenos Aires. Buenos Aires, 2015. 17 p. URL: <https://cdsa.academica.org/000-061/647.pdf> (accessed: 10.10.2025).
- The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism / ed. by J. S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. 246 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv114c761>
- Williams G.* US–Grenada Relations: Revolution and Intervention in the Backyard. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 310 p.

CHALLENGING THE NORM

THE CARTER ADMINISTRATION'S POLICY ON THE GRENADA REVOLUTION IN THE FOCUS OF REALIST CONSTRUCTIVISM

ELENA GLAZUNOVA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia

Abstract

Using the course chosen by the Carter administration in relation to the Grenada Revolution as an example, this article examines attempts to reform the foundations of US foreign policy. To explore this issue, the author draws on realist constructivism, which suggests that the definition of national interests and the formation of a state's foreign policy strategy, along with strengthening its power and influence, are underpinned by its desire to preserve its identity and adhere to certain value systems. By legitimizing human rights and transforming them into a principle of respect for national sovereignty, Carter sought to challenge the Monroe Doctrine and the established Cold War practice of interference in the internal affairs of Latin American countries. Examining the imperatives of the US government's decision-making regarding Grenada, the author concludes that, contrary to the widespread opinion in domestic and foreign historiography that the United States chose a path of confrontation with the revolutionary government of Grenada, discrediting it, and undermining the country's economic stability, during Carter's presidency Washington sought to establish a dialogue with the new government of this island state. The case of Grenada, like other Central America and Caribbean nations undergoing domestic political transformation, became embroiled in the internationalized conflicts characteristic of the Cold War. This context provides a critical lens for tracing the logic, contradictions and challenges inherent in Carter's "moral" foreign policy. This paper illustrates how international dynamics and the balance of domestic political forces in both countries ultimately undermined this strategy, yielding consequences that often contradicted the reforms' original objectives. Beyond its historical significance, this case offers valuable insights for scholars of International Relations theory. As an empirical study, it underscores the relevance and efficacy of recently proposed theoretical approaches, making it a compelling subject for both historians and IR theorists.

Keywords:

Realist constructivism; categories of norms; universal and group norms; US foreign policy; Monroe Doctrine; Grenada Revolution of 1979; Jimmy Carter; Maurice Bishop; human rights; CIA; US military invasion of Grenada

References

- Alexeyeva T.A. (2014). Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosyy mir. [Think like constructivist: discovering a polyphonic world]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 5. No. 1. P. 4–21. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21)
- Greenstein, F. I. (2007). Lichnost' prezidenta i liderstvo. [Presidential Personality and Leadership]. *Sotsiologiya vlasti*. No. 1. P. 175–186.
- Istomin I.A. (2023). Opravdaniye vmeshatel'stva? Rol' 'doktriny Monro' v legitimatsii i stigmatizatsii interventionsizma v politike SSHA v XIX – nachale XX v. [Justification of intervention? The role of the Monroe Doctrine in legitimizing and stigmatizing interventionism in US policy in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. Vol. 15. No. 3. P. 11–55. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55>
- Iserov A.A. (2023). Doktrina Monro, ili Vlast' slova. [The Monroe Doctrine, or the Power of the Word]. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 21. No. 6. P. 37–63. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-37-63

- Kosolapov N.A. (2016). Obshchesistemnyye interesy vremesta natsional'nykh. Klassicheskiye ponyatiya i rossiyskaya spetsifikha [System-wide interests instead of national ones. Classical concepts and Russian specificity]. *Rossiya v global'noy politike*. No. 2. P. 34–53.
- Konyshhev V.N., Sergunin A.A., Subbotin S.V. (2016). Sotsial'nyy konstruktivizm o problemakh bezopasnosti. [Social constructivism on security issues]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii*. No. 3. P. 94–112.
- Kochetkov V.V. (2024). Teoriya konstruktivizma v mezhdunarodnykh otnosheniakh. [Theory of constructivism in international relations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika*. No. 3. P. 3–18. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-03-18
- Kotsur G.V. (2019). Problemy normativnogo vzaimodeystviya v konstruktivistskikh teoriyah mezhdunarodnykh otnosheniy. [Problems of normative interaction in constructivist theories of international relations]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki*. Vol. 14. No. 3 (191). P. 161–170.
- Mironov V.V. (2012) Latinoamerikanskiy vektor vo vneshey politike SSHA: evolyutsiya doktrinal'nykh ustanovok i faktory formirovaniya v sovremennosti. [Latin American vector in US foreign policy: evolution of doctrinal attitudes and factors of formation in modern times]. *Vestnik Omskogo universiteta*. No. 1. P. 79–86.
- Nitoburg E., Rovinskaya Ye. (1984). Grenada: sud'bnyy bol'shoy revolyutsii v malen'koy strane [Grenada: the fate of a great revolution in a small country]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. No. 5. P. 124–148.
- Stroganova Ye.D. (2012). Politika SSHA v otnoshenii levyykh rezhimov Latinskoy Ameriki (chast' chetvertaya) [US policy towards left-wing regimes in Latin America (part four)]. *Bereginya/777/Sova*. No. 3. P. 55–63.
- Stroganova Ye.D. (2017). *SSHA i levyye rezhimy Latinskoy Ameriki* [The USA and left-wing regimes in Latin America]. Moscow: Ves' Mir. 288 p.
- Testov O. V. (2005). *Grenada: Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya (1979–1983 gg.)*. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [Grenada: revolution and counterrevolution (1979–1983). Abstract of a dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Moscow. 20 p.
- Khudaykulova A.V., Neklyudov N.Ya. (2019). Kontsepsiya ontologicheskoy bezopasnosti v mezhdunarodno-politiceskem diskurse [The concept of ontological security in international political discourse]. MGIMO Review of International Relations. Vol. 12. No. 6. P. 129–149. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149>
- Yudin N.V. (2018). Diskussiya ob obrazakh sily v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: poverot ne tuda? [Discussion of Images of Power in the Theory of International Relations: A wrong turn?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 3. P. 84–99. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.1.60.8>
- Barkin J.S. (2003). Realist Constructivism. *International Studies Review*. Vol. 5. No. 3. P. 325–342. <https://doi.org/10.1046/j.1079-1760.2003.00503002.x>
- Barkin J.S. (2004). Realist Constructivism and Realist-Constructivisms. *International Studies Review*. Vol. 6. No. 2. P. 348–352. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_6.x
- Barkin J.S. (2009). *Realism, Constructivism, and International Relations Theory*. APSA Toronto Meeting Paper. 22 p. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1451682
- Barkin J.S. (2010). *Realist Constructivism: Rethinking International Relation Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 204 p.
- Barkin J.S. (ed.) (2020). *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol: Bristol University Press. 246 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv114c761>
- Benjamin J. (1987). The Framework of U.S. Relations with Latin America in the Twentieth Century: An Interpretive Essay. *Diplomatic History*. Vol. 11. No. 2. P. 91–112. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.1987.tb00007.x>
- Brzezinski Z. (1970). *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York: The Viking Press. 123 p.
- Chomsky N. (2015). *Turning the Tide: U.S. Intervention in Central America and the Struggle for Peace*. Chicago: Haymarket Books. 464 p.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A., Wohlfarth W. (2023). Realist Constructivism: a New Perspective on Norm Theory. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 21. No. 2. P. 44–62. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.2.73.3>
- Delacour J.O. (2020). Taking Co-constitution Seriously: Explaining an Ambiguous US Approach to Latin America. In: J. S. Barkin (ed.) *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol: Bristol University Press. P. 140–160. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.007>
- Finnemore M. (1996). National Interests in International Society. Ithaca; London: Cornell University Press. 167 p.

- Finnemore M., Sikkink K. (1998). International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*. Vol. 52. No. 4. P. 887–918.
- Gates R. (1997). *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. New York: Simon & Schuster. 607 p.
- Guzzini S. (2020). Saving Realist Prudence. In: J. S. Barkin (ed.) *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol: Bristol University Press. P. 202–218. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.010>
- Iancu A. (2020). The Bridging Capacity of Realist Constructivism: The Normative Evolution of Human Security and the Responsibility to Protect. In: J. S. Barkin (ed.) *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol: Bristol University Press. P. 171–192. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.008>
- Jackson P.T, Nexon D.H. (2004). Constructivist Realism or Realist-Constructivism? *International Studies Review*. Vol. 6. No. 2. P. 337–341. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_2.x
- Jepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P. (1996). Norms, identity, and culture in national security. In: P. Katzenstein (ed.) *Culture and National Security*. New York: Columbia University Press. P. 33–75.
- Michael A. (2018). Realist-Constructivism and the India–Pakistan Conflict: A New Theoretical Approach for an Old Rivalry. *Asian Politics & Policy*. Vol. 10. No. 1. P. 100–114. <https://doi.org/10.1111/aspp.12365c>
- Michaels E. (2022). Renewing Realist Constructivism: Does It Have Potential as a Theory of Foreign Policy? *Teoria Polityki*. No. 6. P. 101–122. <https://doi.org/10.4467/25440845TP.22.006.16006>
- Moffett III G.D. (1985). *The Limits of Victory: Ratification of the Panama Canal Treaties*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 261p.
- Nexon D.H. (2005). Creating Insecurity: Realism, Constructivism, and US Security Policy by Anthony D. Lott. *Political Science Quarterly*. Vol. 120. No. 3. P. 527–528. <https://doi.org/10.1002/j.1538-165X.2005.tb01404.x>
- Prados J. (2006). *Safe for Democracy. The Secret Wars of the CIA*. Chicago: Ivan R. Dee. 736 p.
- Rose E.A. (2002). *Dependency and Socialism in the Modern Caribbean. Superpower Intervention in Guyana, Jamaica, and Grenada, 1970–1985*. Boston: Lexington Books. 452 p.
- Schoenhals K., Melanson R. (2019). *Revolution and Intervention in Grenada. The New Jewel Movement, the United States, and the Caribbean*. London; New York: Routledge. 211 p.
- Sjoberg L. (2020). Permutations and Combinations in Theorizing Global Politics: Whither Realist Constructivism. In: J. S. Barkin (ed.) *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol: Bristol University Press. P. 180–201. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.009>
- Sterling-Folker J. (2004). Realist-Constructivism and Morality. *International Studies Review*. Vol. 6. No. 2. P. 341–343. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_3.x
- Sterling-Folker J. (2009). Neoclassical Realism and Identity: Peril Despite Profit Across the Taiwan Strait. In: S.E. Lobell, N.M. Ripsman, J.W. Taliaferro (eds) *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 99–138. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511811869.004>
- Talavera F., Goméz P. (2015). *La revolución en Granada y la izquierda trasnacional (1979–1983)*. XI Jornadas de Sociología. Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de Buenos Aires. Buenos Aires. 17 p. URL: <https://cdsa.aacademica.org/000-061/647.pdf> (accessed: 10.10.2025).
- Williams G. (2007). *US–Grenada Relations: Revolution and Intervention in the Backyard*. New York: Palgrave Macmillan. 310 p.